

Токтарова Наима Камаловна

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНОГО СТРОЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КУМЫКСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматриваются способы выражения побудительности в кумыкском и русском языках. Отмечается, что в императивную парадигму в обоих языках обязательно включаются формы второго лица единственного и множественного числа. Формы третьего лица единственного и множественного числа и первого лица множественного числа по отношению к грамматическим формам второго лица являются периферийными.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 1. С. 169-171. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'362

В статье рассматриваются способы выражения побудительности в кумыкском и русском языках. Отмечается, что в императивную парадигму в обоих языках обязательно включаются формы второго лица единственного и множественного числа. Формы третьего лица единственного и множественного числа и первого лица множественного числа по отношению к грамматическим формам второго лица являются периферийными.

Ключевые слова и фразы: побудительные предложения; повелительное наклонение; императивная парадигма; единственное и множественное число; русский язык; кумыкский язык.

Токтарова Наима Камаловна, д. филол. н., доцент
Дагестанский государственный университет народного хозяйства
sadykovasaida120@mail.ru

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНОГО СТРОЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КУМЫКСКОГО ЯЗЫКОВ)

Как известно, основным средством выражения побудительности и в русском, и в кумыкском языках является повелительное наклонение, представляющее собой особую форму глагола, которая наиболее однозначно и наименее зависимо от контекста передает значения побуждения.

Считается, что в русском языке формам повелительного наклонения не характерен единый материальный признак [7, с. 224]. Некоторые формы повелительного наклонения содержат специальную морфему, окончание *-и*, которая указывает на данное наклонение, другие формы совпадают с основой настоящего времени. Ср.: *сид-и* и *закрой, выкинь*. Однако невыраженность окончания или любой другой морфемы не означает отсутствия грамматического признака повелительного наклонения. Поскольку глагольные основы типа *закрой, выкинь* выражают значение побуждения, как и формы с окончанием *-и*, мы не можем не согласиться с тем, что они являются формами повелительного наклонения.

Материальным признаком повелительного наклонения в формах множественного числа является морфема *-те*. Она присоединяется независимо от характера основы в формах единственного числа: *играй-те, сядь-те, неси-те*.

Формам повелительного наклонения по своему образованию характерен агглютинатизм. В таких формах могут заключаться несколько аффиксов, которые указывают на свойственные им значения или особенности употребления. Ср., например: *примир-и-те-сь-ка*. В этом слове окончание *-и-* является показателем повелительного наклонения, *-те-* указывает на формы множественного числа, *-сь* – показатель возвратности, а с помощью частицы *-ка* уточняется характер побуждения. Следует отметить, что в русском языке только формам повелительного наклонения характерна такая особенность, присущая в основном агглютинативным языкам, к каким относится кумыкский язык [8, с. 183]. Флективным языкам, к которым относится русский, свойственно при изменении формы замещение одного суффикса другим, что относится, в частности, и к глаголу. Ср.: *вер-ю, вер-ит, вери-л*.

В тюркском языкознании отсутствует единое мнение по вопросу о составе форм повелительного наклонения. Однако основными формами выражения побуждения тюркологами признаются повелительные формы второго лица единственного и множественного числа. Их считают наиболее частотными, так как они выражают типичную императивную ситуацию. Более того, в императивную парадигму, как и в русском языке, включаются также формы третьего лица единственного и множественного числа, которые по своей форме совпадают с формами второго лица. Однако вопрос о том, имеют ли отношение формы первого лица единственного и множественного числа к императивной парадигме, является предметом дискуссий. По мнению одних тюркологов, эти формы включаются в парадигму повелительного наклонения, другие считают, что формы совместного действия (инклюзив) только примыкают к императивной парадигме. Объясняется это тем, что исторически они представляют собой формы первого лица желательного наклонения и их невозможно рассматривать в качестве ее полных членов. Считается, что от основных форм императива они отличаются неполной парадигмой.

Отсутствие единого мнения в определении анализируемых форм можно объяснить тем, что по некоторым признакам они схожи со значением побуждения, а по другим – отличаются от него. Например, как Н. К. Дмитриевым, А. А. Юлдашевым, А. Н. Кононовым, М. З. Закиевым, Л. С. Левитской и др. отрицается наличие в тюркских языках первого лица повелительного наклонения. Объясняется это тем, что субъект не может сам себе повелевать. Второй, не менее основной, причиной подобных разногласий среди тюркологов в отношении первого лица является то, что аффикс *-ай-*, *-ей-*, *-й-* по их мнению произошел от древнетюркского аффикса *-гай / -гей*, который является показателем желательного наклонения.

Н. К. Дмитриев считает, что форма первого лица множественного числа, которую он относит к желательному наклонению, условно может быть включена в повелительное наклонение, т.к. «в этой форме есть определенный элемент приказа» [3, с. 163]. По его мнению, в данном случае хотя бы на уровне подсознания прослеживается связь с повелительной формой второго лица: *ты выходи (вы выходите) и я с тобой*. Однако Н. К. Дмитриев категорически против другой условности, допускаемой грамматиками, согласно которым в парадигму императива включается и первое лицо единственного числа, не содержащее никакого элемента приказа. «Попытки некоторых грамматиков слить воедино повелительное и желательное наклонения и, в частности, трактовать форму *алайым* “дай-ка я возьму!” или же *гелейим* “дай-ка я приду!”, как повелительное наклонение

первого лица единственного числа, – следует признать неудачными» [4, с. 19]. Не менее интересным является утверждение А. Н. Кононова по данному вопросу, что «первое лицо единственного и множественного числа, часто включаемое в систему повелительного наклонения, но не имеющее ни формального, ни смыслового сходства с формами повелительного наклонения, в соответствии со своим значением рассматривается в системе желательного наклонения» [5, с. 205].

Свою позицию по поводу рассматриваемого вопроса четко обозначил А. М. Щербак в своей монографии, посвященной особенностям тюркского глагола. По его мнению, основными формами выражения повелительного наклонения также являются по происхождению желательные формы первого лица, «как бы восполняют то, что по понятным причинам отсутствует в парадигме повелительного наклонения» [11, с. 52].

Другая группа ученых (Н. З. Гаджиева, Б. Ходжаев, Н. Г. Сауранбаев и др.) склоняется к мнению, что повелительное наклонение может выражаться и формами первого лица единственного и множественного числа. Так, уточняя значения повелительного наклонения, в том числе и первого лица, Н. Г. Сауранбаев пишет: «Повелительное наклонение выражает повеление, самопринуждение, предписание и т.п. Побуждение к действию в этом наклонении направлено на определенное лицо, в том числе и на самого говорящего. В последнем случае глагол обозначает самопринуждение, желание совершить действие» [6, с. 36]. По мнению же Н. З. Гаджиевой, повелительное и желательное наклонения характеризуются семантической и грамматической общностью: «Семантическая и непосредственно с ней связанная грамматическая общность существует и в пределах одной категории наклонения; тесно связаны между собой повелительное и желательное наклонения <...> В большинстве тюркских языков форма собственно желательного наклонения, заключая в своей природе значение побуждения к действию, обращенное к первому лицу, обслуживает и повелительное наклонение» [2, с. 27-38].

Для кумыкского языкознания характерна традиция, согласно которой формами выражения повелительного наклонения считаются формы второго лица единственного и множественного числа. Форма первого лица единственного числа в силу характера своего значения не составляет кумыкскую императивную парадигму [4; 10]. Многие тюркологи характеризуют кумыкскую императивную парадигму как многочленную. Так, А. Т. Базиев считает, что императивная парадигма кумыкского языка является четырехчленной [1].

Наличие разных мнений по поводу состава и строения кумыкской императивной парадигмы скорее можно объяснить, во-первых, тем, что неодинаково определяются значения повелительного наклонения; во-вторых, тем, что часто смешиваются категориальные значения повелительного и желательного наклонений.

Несомненный интерес представляет точка зрения Д. М. Хангишиева, который считает, что для современного кумыкского языка характерно перекрещивание форм этих двух наклонений. По его мнению, одна и та же форма в зависимости от контекста может иметь значение как повелительного, так и желательного наклонения. «Недифференцированное повелительно-желательное значение имеет в кумыкском языке первое лицо множественного числа на *-айыкъ* (*алайыкъ* “возьмем”). Кроме того, формы собственно повелительного наклонения, такие как форма второго лица единственного и множественного числа, при определенной интонации или наличии особых индикаторов (например, частиц) приобретают желательное значение. Ср.: *ал* “бери” – *а:л* (с долгим произношением начального *а*) “бери-ка”, *ал хари* “бери, пожалуйста”. Не случайно некоторые исследователи выделяют единое повелительно-желательное наклонение» [9, с. 14-20].

В. С. Храковский и А. П. Володин обозначили следующие формальные признаки словоформ, составляющие императивную парадигму: 1) они должны регулярно образовываться от всех лексем, которые по своей семантике допускают образование словоформ с императивным значением; 2) они должны опознаваться в контексте как формы, имеющие императивное значение. Формальными признаками императива могут быть грамматический показатель, ударение, определенный порядок слов в конструкции и т.п. «Они могут выступать либо порознь, либо в различных комбинациях» [10, с. 28].

Итак, анализируя формы выражения повелительного наклонения, мы пришли к выводу о том, что императивную парадигму составляют формы второго лица единственного и множественного числа; формы третьего лица единственного и множественного числа и первого лица множественного числа по отношению к грамматическим формам второго лица являются периферийными.

Список литературы

1. Базиев А. Т. Система спряжения в кумыкском и ногайском языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1949. 18 с.
2. Гаджиева Н. З. Соотношение категорий времени и наклонения в тюркских языках // Вопросы категории времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку: Элм, 1968. С. 27-38.
3. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 209 с.
4. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 203 с.
5. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 446 с.
6. Сауранбаев Н. Г. О категории лица повелительного наклонения // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия филология и искусствоведение. Алма-Ата, 1954. Вып. 1-2. С. 28-45.
7. Токтарова Н. К. Коммуникативные типы высказывания в кумыкском языке: монография. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2011. 256 с.
8. Токтарова Н. К. Особенности побудительных конструкций в кумыкском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50). Ч. 2. С. 183-185.
9. Хангишев Д. М. К вопросу о категории наклонения глагола в кумыкском языке // Советская тюркология. 1988. № 4. С. 13-21.
10. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986. 272 с.
11. Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М. – Л.: Наука, 1962. 276 с.

**ON THE MEANS TO EXPRESS IMPERATIVENESS IN THE LANGUAGES OF DIFFERENT SYSTEM
(BY THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND KUMYK LANGUAGES)**

Toktarova Naima Kamalovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Dagestan State University of National Economy
sadykovasaida120@mail.ru

The article examines the means to express imperativeness in the Kumyk and Russian languages. The author points out that the imperative paradigm in both languages necessary includes the second person Singular and Plural forms. The third person Singular and Plural and first person Plural are peripheral in relation to the second person grammatical forms.

Key words and phrases: imperative sentences; imperative mood; imperative paradigm; Singular and Plural; Russian language; Kumyk language.

УДК 811.11-112

В статье рассматриваются некоторые аспекты фонетической интерференции в английской речи русских учащихся в условиях неконтактного русско-английского билингвизма. Дается определение фонетической интерференции, приводятся основные причины появления отклонений от английских произносительных норм при реализации английских гласных, а также описываются наиболее типичные примеры отклонений от произносительных норм английского языка при реализации русскими учащимися английских гласных фонем и аллофонов.

Ключевые слова и фразы: фонетическая интерференция; неконтактное двуязычие; второязычная речь билингва; английский язык; гласная фонема; аллофоны.

Трегубова Юлия Алексеевна, к. филол. н.
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
tregubova@elsu.ru

**ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НОРМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
ВСЛЕДСТВИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ
В АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ РУССКИХ УЧАЩИХСЯ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ)**

Обучение иностранным языкам начинается на самых ранних ступенях российского образования. Однако овладение иностранными языками в России проходит в основном в среде образовательных организаций в условиях опосредованных языковых контактов с носителями иностранных языков, когда учащиеся не имеют возможности постоянно слышать и самостоятельно использовать иноязычную речь в повседневной жизни. Очевидно, что такие условия обучения иностранным языкам приводят к некоторым особенностям в процессе их изучения этих.

В ходе овладения любым иностранным языком неизбежно проявляется такой лингвистический феномен как интерференция. Интерференция может проявляться в отклонениях от норм иностранного языка на любом его уровне – грамматическом, лексико-семантическом, фонетическом и других, а результатом ее будут различного рода ошибки во второязычной речи билингва.

Отклонения от норм изучаемого языка на фонетическом уровне, искажающие звуковую форму слов, особенно заметны и устойчивы на начальной ступени овладения иностранным языком и приводят к наибольшим коммуникативным затруднениям в условиях отсутствия непосредственных языковых контактов и общения с носителями иностранного языка как родного.

Отклонения от произносительной нормы в иноязычной речи билингва специфичны и отражают языковую принадлежность человека, говорящего с акцентом. С другой стороны, второязычная речь билингва с акцентом отличается и общими признаками, характерными для любого человека, говорящего на неродном языке и не владеющего им в совершенстве.

Отмечается, что при восприятии и воспроизведении дифференциальных признаков изучаемых иностранных языков, учащиеся заменяют непривычные им звуки этих иностранных языков звуками родного языка, в результате чего иностранные звуки в речи учащихся получают иноязычную (в нашем случае – русскую) произносительную окраску, которую принято называть произносительным акцентом. При этом учащиеся даже не замечают произошедшую замену [2, с. 51-52].

Таким образом, под фонетической интерференцией понимается, «прежде всего, нарушение (искажение) вторичной языковой системы и ее нормы в результате взаимодействия в сознании говорящего фонетических систем и произносительных норм двух, а иногда и более языков, проявляющегося через интерференцию слуховых и произносительных навыков, сформированных на базе данных взаимодействующих систем» [3, с. 18].